Западная Европа—американские задворки

Рассказы советских моряков дальнего плавания о жизни трудящихся маршаллизованных стран

*

В сегодняшней Франции

Рассказ рулевого
Ф. ПЕТРОВА

Плавая за границу, я и мои товарищи видели там очень много хороших и честных людей, искренних друзей Советского Союза. Таков, например, бывший летчик авиаэскадрильи «Нормандия», которого мы встретили в Гавре—французском порту. Нашим правительством он награжден орденом Ленина и двумя орденами Красного знамени. Летчик он хороший, опытный и его охотно берут в авиацию, но требуют, чтобы он снял русские ордена. Летчик пошел шофером на грузовую автомашину, но советские ордена продолжает носить.

Встретили мы его в магазине. Услыхав русскую речь, он представился нам, крепко пожал руки и, первым делом, попросил закурить.

— Мы скоро забудем аромат настоящего табака, — сказал он, затягиваясь «Казбеком».—Американцы вывозят от нас табак, а взамен везут сигареты, набитые какой-то немыслимой дрянью. Невозможно курить. Они увозят от нас бекон, а привозят консервированную конину, увозят чистое зерно, взамен которого поставляют муку, отбеленную химическим способом. Во всем надувательство.

Летчик пригласил нас посидеть с ним в кафе.

— Для нас большая радость—побеседовать с вами,—сказал он с чувством.

Кафе было в нескольких минутах ходьбы. По дороге наш друг рассказывал о незавидной жизни рядовых французов, о низких заработках, о дороговизне.

— Во Франции,—говорил он,—предприниматели перевели всех своих рабочих на положение временных и платят сколько заблагорассудится. Я, работая шофером, получаю 10 тысяч франков в месяц. Квартира обходится в 4 тысячи, налоги забирают еще 2 тысячи. На житье остается в лучшем случае 3—4 тысячи франков. Поймете сами, как это мало, если вам сказать, что килограмм мяса стоит 350—400 франков. Неважная наша жизнь....

В маленьком кафе на окраине Гавра летчик представил нам своих товарищей:

— Это—настоящие французы.

У многих из присутствующих—ленточки участников движения сопротивления. Узнав, кто мы, французы бурно выражали свои чувства, завязалась дружеская беседа. Переводчиком был летчик.

Пожилой француз-шахтер, недавно приехавший в Гавр из Па-де-Кале, рассказал, что в этом угольном районе на севере Франции шахтеры трудятся в неимоверных условиях. В шахтах нет современных машин, основное орудие рабочих—кайло. Десять часов подряд они работают, обливаясь потом. Добытый уголь вывозится на себе. Многие десятки метров шахтер ползет по штреку задыхаясь, т. к. шахты переполнены газом. Часто случаются взрывы. Не проходит недели, чтобы не было погибших.

Страшными были рассказы и других присутствующих. Они говорили о том, что во Франции сейчас свыше миллиона безработных. Не имеют работы многие сталевары, машиностроители, текстильщики. Немало ютится их под открытым небом—домовладельцы выселили из квартир. Немногим лучше положение и работающих.

С возмущением отзывались французы о засилии американцев в их стране. Сейчас любой американец может приехать во Францию, для этого не требуется и визы.

Ежедневно в порты Франции приходят американские транспорты. В порядке помощи по «плану Маршалла» они привозят залежалые товары.

Когда мы покидали кафе, прощаясь с нами, один из французов, тот, что рассказывал о жизни шахтеров Па-де-Кале, тихо, но внушительно проговорил:

— Наши правители не первый раз предают нас. Но мы, французы, любим свою родину. Фашистам не удалось покорить нас. Не удастся это сделать и новым завоевателям. Верьте нашему слову...

Марсельские впечатления

Рассказ матроса
Н. БАЕВА

Нигде я не видел такой беспросветной нищеты, как в рабочих кварталах Марселя. В ветхих полуразвалившихся домишках, в невероятной тесноте ютятся семьи тружеников. Затхлый, пропитанный ядовитыми испарениями выгребных ям воздух, кучи отбросов и мусора—вот обычная картина марсельских трущоб.

Иначе выглядят центральные улицы. Здесь на каждом шагу шикарные рестораны, кафе, магазины, великолепные, отделанные мрамором особняки. В этих особняках живут все те, кто беспощадно эксплоатирует простой народ, наживается на его крови и страданиях,—капиталисты, банкиры, крупные торговцы.

Продажные правители Франции отдали страну на разграбление американским империалистам. «Добрые» заокеанские дяди заполонили рынок своими низкопробными товарами. За какие-нибудь дрянные носки или штиблеты на картонных подошвах они дерут втридорога. А в это время французская промышленность хиреет день ото дня, закрываются предприятия, сокращается производство, остаются без работы и куска хлеба тысячи рабочих и служащих.

На улицах Марселя очень много полицейских. Вооруженные с головы до ног, они торчат на всех перекрестках, беспрерывно раз'езжают в машинах и на мотоциклах. О полицейских, видно, хорошо заботятся: лица у них сытые, красные, мундиры из американского сукна.

Растет возмущение народа Франции политикой правых социалистов—предателей рабочего класса, приведших страну в тупик. Французы не желают быть рабами американских монополий и своей буржуазии, не хотят больше голодать и бедствовать.

Мы видели мощную демонстрацию марсельцев, направленную против «плана Маршалла», против Северо-атлантического пакта, против предательства правых социалистов. Демонстранты шли сплоченными колоннами. В их поступи чувствовалась решимость до конца бороться за свои человеческие права, за новую жизнь.

★ ★

Прошло семнадцать месяцев с начала осуществления «плана Маршалла». Вопреки утверждениям американской пропаганды о том, что «план Маршалла» якобы поможет восстановлению хозяйства западно-европейских государств, он еще больше углубил расстройство экономики Западной Европы.

В маршаллизованных странах падает промышленное производство, неизменно понижается жизненный уровень трудящихся, неуклонно растет безработица, обнищание, дороговизна, растут налоги. Западная Европа становится задворками Соединенных Штатов Америки, колониальным придатком американской экономики. Кабальную зависимость маршаллизованных стран еще больше усилили Северо-атлантический договор и новая программа вооружения Западной Европы на основе этого договора.

Помещаемые ниже рассказы советских моряков дальнего плавания о странах, в которых они побывали, — убедительное подтверждение тому, какое тяжелое бремя наложил «план Маршалла» на Западную Европу, на трудовой народ маршаллизованных стран.

НЕ ТА БЕЛЬГИЯ...

Рассказ машиниста С. ЗАДУБРОВСКОГО

В АНТВЕРПЕНЕ

Больше года прошло с тех пор, как наш пароход последний раз был в Бельгии. И вот опять мимо бортов тянутся скудные берега Шельды, одинокие фермы и чахлая зелень. Вся земля разгорожена полосками межей на узкие клеточки.

Подошли к шлюзу, за которым начинается акватория порта. Когда шлюз наполнился водой, один из наших матросов, посмотрев вдоль реки, воскликнул:

— Смотрите, а те пароходы все еще стоят!

Действительно, у левого берега реки, как и год назад, все на том же месте находились два огромных недостроенных судна.

Компания, для которой мы доставили груз, прислала своего ночного вахтенного. Он стоял у трапа с восьми часов вечера до восьми утра. Старый, много плававший моряк, мог об'ясняться по-русски. Пользуясь возможностью поговорить с людьми из другого мира, он рассказал многое нам о жизни в Бельгии.

— В Антверпене сейчас десять тысяч безработных,—говорил он,— а те, кто имеет работу, в лучшем случае заняты 3—4 дня в неделю. При дневной ставке в 150—180 франков можно жить лишь впроголодь. За право поставить в холодной комнате койку нужно платить минимум 200 франков в неделю.

— Почему в холодной?—поинтересовались мы.

— В Антверпене редко кто топит печи зимой. Топливо очень дорого. За право занять угол в теплой комнате нужно платить 350—400 франков в неделю. При бюджете 650—700 франков в неделю жить в теплом помещении нет никакой возможности. Кроме того, одну пятую заработка отнимают налоги. Оставшихся средств только-только хватает на обеды и по воскресеньям и средам—на завтраки. Что такое ужин —я уж забыл. Ни о каких сбережениях на черный день не может быть и речи. А вы имеете возможность делать сбережения?

— Конечно,—ответили мы,—но только не для черных дней, таких у нас не знают.

Мы поняли, что старика-бельгийца сильно беспокоит грядущий страшный «черный день», который для него может наступить в любой миг.

Этот разговор происходил вечером 2 апреля. На следующий день, придя на вахту, старик был молчалив.

— Что с вами случилось?—спросили мы.

— Завтра в Вашингтоне будут подписывать Северо-атлантический пакт,—доверчиво сообщил вахтенный.—Мы не хотим этого пакта, потому что он—война. Завтра порт будет бастовать. И я не знаю, что делать мне. Ведь я уже старик и один в целом мире. Если я приму участие в забастовке, меня выгонят с работы. А это значит—голодная смерть где-нибудь под забором...

4 апреля в порту было необычайно тихо. На перекрестках стояли пикеты забастовщиков да иногда, завывая сиренами, проносились автомобили с усиленными нарядами полиции.

Мы с некоторым волнением ждали вечера: будет бастовать наш вахтенный или нет?

Вечером старик не пришел. Он тоже принял участие в забастовке, пролетарская солидарность пересилила страх.

5 апреля вахтенный появился в свое обычное время.

— Они не посмели никого уволить,—с гордостью сообщил он нам, едва только ступив на борт.—Мы доказали им, что бельгийцы против войны.

В ОСТЕНДЕ

Бельгийский порт Остенде, небольшой городок, единственная «гордость» которого—устричные отмели.

Пришли мы ночью, но еще в шлюзе к борту стали подходить люди и промышлять насчет русской папироски. Потом, когда мы уже стали у причала, с двух часов ночи и до девяти утра у нашего борта дрожали на холодном ветру кучки бедно одетых бельгийцев. Это были безработные, надеявшиеся хоть несколько дней поработать на разгрузке русского парохода. Среди них были и старики, которым давно бы пора получать пенсию, но в Бельгии, как и во всех капиталистических странах, нет обеспечения в старости; были и дети школьного возраста, у родителей которых нет средств для оплаты за учение; были демобилизованные, одетые в поистрепавшуюся военную форму, которым «благодарная» родина не может дать даже работы; было очень много молодежи в возрасте 18—19 лет.

В восемь часов утра на причале появился «босс»—хозяин. Это популярное в Америке словечко прочно вошло в быт всех маршаллизованных стран.

Как только хозяин вылез из машины, началась давка. Каждый хотел получить работу и поэтому стремился пробиться поближе к человеку, который мог ее дать. Происходили дикие сцены. Люди сбивали друг друга с ног, топтали и не замечали этого. А «босс» был совершенно спокоен. Стоял и улыбался. Видимо, не в новинку ему такие зрелища. Постоит, посмотрит, небрежно ткнет пальцем в кого-нибудь—и человек, довольный, бежит на пароход: на два-три дня есть работа.

Во время обеденного перерыва мы разговорились с одним из бельгийцев.

— Сейчас в Бельгии получить постоянную работу не легче, чем выиграть миллион франков на... трамвайный билет,—сказал он нам. —Вот я инженер-доменщик. Знаю пять европейских языков, в том числе и русский. Поработаю на выгрузке два-три дня, получу 200—300 франков, а когда еще попадется работа, какая она будет—этого я не знаю. А у меня жена и трое детей. Одно для меня ясно—постоянной работы мне уже не получить...

Мы утешаем его: не стоит, мол, отчаиваться. Может быть, еще повезет. Тогда он достает из кармана газету и показывает нам:

— Смотрите, вот об'явления с предложениями работы. Их 14. А вот об'явления с предложениями рабочих рук. Сравните, сколько тех и сколько других.

Мы пересчитываем. Об'явлений с предложениями рабочих рук оказалось 265. Тут уж ничего не скажешь: арифметика—наука точная.

— Зачем меня учили?—с горечью говорит инженер-доменщик, работающий на выгрузке. — Кому сейчас нужны мои знания, мой опыт, моя практика?..

Раньше Бельгию сами бельгийцы называли перекрестком Европы. Теперь они называют свою страну задворками Америки. И это действительно так. В Бельгии мы почти ничего не видели бельгийского. Мыло, спички, блокноты, да открытки с видами городов—вот, пожалуй, и все. Бельгия наводнена американскими товарами. На всякой всячине вплоть до ученической линейки и карандаша — клеймо: «Сделано в США». Даже уголь ввозится из Америки. И это в Бельгию, которая раньше вся была, как огромные угольные копи!

На поводу у заморских империалистов

Рассказ помощника капитана К. АЛЕКСЕЕВА

На территории Швеции не было войны. Ни один снаряд, ни одна бомба не упали на ее землю. А между тем положение трудового народа по сравнению с довоенным временем значительно ухудшилось. Мы встречали на улицах шведских городов голодных, оборванных детей, толпы безработных, скитающихся в поисках заработка.

— В чем же дело?—невольно напрашивался у нас вопрос.

Ответ на него дал нам старый лоцман-швед.

— Не думайте, что Швеция—бедная страна,—сказал он.—У нас есть все, чтобы народ жил в довольстве. Но вся беда в том, что богатствами распоряжается не народ, а небольшая кучка имущих. Все в их руках: земельные и лесные угодья, фабрики и заводы. В войну наши богатеи нажили миллионные состояния. Теперь их аппетит еще более разыгрался. Чтобы получить новые прибыли, они повышают цены на предметы первой необходимости. Видите ботинки?—старик показал рукой на витрину.—Цена на них против прошлогодней выросла ровно в два раза. Я же, как и другие рабочие, не получил ни одной кроны прибавки к жалованию. Тяжело стало жить! — вздохнул он.

Помолчав, лоцман более горячо стал говорить о том, что правительство Швеции пляшет под дудку американских империалистов. Вместо того, чтобы улучшить положение трудящихся, оно своей гибельной политикой толкает страну в пропасть. Огромные суммы расходуются на покупку оружия, на содержание армии, хотя каждому шведу ясно, что со стороны северных соседей Швеции никто и ничто не угрожает.

— Зато,—сказал подконец старый лоцман,—существует другая угроза для Швеции—превратиться в колонию Америки.

В МАРШАЛЛИЗОВАННОЙ АНГЛИИ...

Не сладко живется трудовому люду в маршаллизованной Англии. Лейбористское правительство в поисках выхода из экономических и финансовых затруднений, переживаемых страной, усиливает наступление на жизненный уровень трудящихся. Все важнейшие продукты питания в Англии попрежнему выдаются по карточкам. Обычным стало употребление в пищу конского и китового мяса.

С ростом дороговизны и безработицы усиливается обнищание широких масс народа. У рабочего нет уверенности в завтрашнем дне. По старелых и больных предприниматели безжалостно выбрасывают на улицу. Об их судьбе красноречиво говорит этот снимок, изображающий слепого нищего, играющего на шарманке в рабочем квартале Лондона—Ист-Энде.

(Фотохроника ТАСС).

Жевательная резинка вместо масла

Рассказ второго помощника капитана А. ШЕЛАШСКОГО

Неприглядна жизнь трудящихся маршаллизованной Дании. При небольшом населении здесь огромное количество безработных. Не легко живется и работающим. Дорого приходится платить за квартиру, за медицинскую помощь. Рабочие еле-еле сводят концы с концами, питаясь, главным образом, треской и селедкой.

Магазины небольшого датского города Фредериксхавн, где нам пришлось некоторое время находиться в порту, битком набиты американскими товарами—текстилем, трикотажем, галантереей. Однако хорошего среди них не найти. Напрасны были поиски, например, отреза на приличный костюм. Сахар и масло выдаются по норме. Масло... Дания издавна славилась первосортным маслом, а сейчас население почти не видит его. Масло идет в оплату за барахло, присылаемое по «плану Маршалла». Вместо масла Америка в неограниченном количестве предлагает жевательную резинку. Нам стало понятно, почему датчане, раньше совсем не представлявшие, что такое жевательная резинка, теперь жуют это американское произведение.

Несмотря на шум вокруг «плана Маршалла», трудовой народ Дании хорошо понимает весь смысл этого ярма. Он видит цели американской «помощи» и открыто высказывает свое недовольство.

— Враг мира № 1—капиталисты Америки, враг № 2—капиталисты Англии. Но наш народ стоял и будет стоять за мир и дружбу с Советским Союзом,—высказал мысли своих соотечественников один рабочий-датчанин.

Результаты «помощи» американских «благодетелей» все шире и шире открывают глаза у народа Дании на истинный смысл «плана Маршалла».

★

Неприглядная картина

Рассказ помощника капитана
А. КОСАРЬКОВА

Наш пароход входил в порт Кротоне, расположенный в южной части Италии, на побережьи Адриатического моря. Южное солнце щедро посылало свои лучи. Берега были покрыты пышной зеленью апельсиновых и лимонных садов.

Обилие растительности и тепла невольно наводило на мысль о том, что человек в таком благодатном краю должен жить в довольстве и счастье. Однако скоро мы, советские моряки, убедились, что среди этой богатой природы трудовой народ живет очень плохо.

Кротоне, судя по причалам и портовому оборудованию, когда-то обладал значительной пропускной способностью грузов. Мы же нашли порт безжизненным. За три недели, которые наш пароход стоял здесь, порт посетил только один старенький парусник.

Нищета широких масс Италии достигла крайней степени. В узких уличках рабочих кварталов тех городов, где мы побывали, среди тяжелого, спертого воздуха бегают изможденные, в рваной одежде детишки. Среди них развито попрошайничество.

Нужда видна во всем. Широко распахнутые двери жилищ заменяют окна, и взгляду прохожего открывается внутренность жилья, с убогой домашней утварью. На перекинутых через улички веревках сушится белье—в лучшем случае залатанное, а то и просто тряпье.

Шумная толпа заполняет торговые площади. С первого взгляда кажется, что здесь люди проводят время в праздности. А присмотришься и поймешь, что всех их выгнала сюда нужда: они ищут случайный заработок, чтобы как-нибудь прожить день.

В магазинах есть товары, но цены «кусаются». Нужны тысячи лир, чтобы купить одежду, обувь. Но где их взять тому, кто не имеет средств даже на питание?

В жалком положении находится итальянская интеллигенция. Мы видели, как юрист с университетским образованием, не имея постоянного заработка, предлагал услуги в качестве переводчика. Оплаты он не просил, готов был трудиться лишь за обед на судне. Мы видели художника, окончившего академию, с готовностью бравшегося за репродукции маслом с фотографий. Он даже ни слова не говорил о вознаграждении: был рад тому, что дадут. У него голодают жена и двое детей. В квартире продано все, что можно было продать.

Широким массам трудящихся Италии ненавистны американцы. Вместе с англичанами американцы пытаются превратить Италию в свою колонию. Чувство глубокой неприязни к ним распространено даже и среди обеспеченных слоев населения. Итальянцы помнят о бесчинствах англо-американских «освободителей», о их торгашеских и спекулятивных махинациях, о том, как они делали и делают предметом купли итальянских женщин, девушек. Обиды, наносимые итальянцам со стороны англо-американской военщины, не скоро забудутся.

Нынешняя так называемая американская «помощь»—это дамские шелковые чулки и прочие безделушки. Рабочие и служащие говорят о ней со злой иронией. Они знают, что ничего, кроме кабалы, эта «помощь» принести не может. Американцы наряду с экспортированием в Италию своих залежавшихся товаров по баснословной цене, наводняют итальянские кинотеатры растленной продукцией Голливуда.

Жизнь итальянского народа—неприглядная картина. Смотрели мы на ее и вспоминали нашу великую советскую страну, наши справедливые порядки.

Что несет голландцам „помощь" Америки

Рассказ кочегара 1-го класса
В. РАГОЗИНА

У меня в каюте висит картина. Масляными красками на полотне нарисован наш пароход «Сергей Киров», идущий в океане. На корме развевается государственный флаг СССР. В правом углу картины надпись: «Х. Костер. Амстердам, Голландия. Апрель 1949 года».

История этой картины, написанной рукой безработного голландского художника, такова. Когда наш пароход прибыл в Амстердам, к борту подошло много голландцев. Это были безработные. Некоторые держали в руках ящички с инструментом. Один из безработных поднялся к нам на палубу с этюдом и мольбертом в руках.

— Я живописец,—заявил он.—Раньше выполнял заказы одной солидной фирмы. Теперь фирма закрылась, и вот я год не могу найти себе работы. Жить очень плохо. Семья голодает. Единственный заработок на кусок хлеба—случайные заказы. Но заказов мало. Люди перестали интересоваться искусством...

Нам стало жалко этого человека, и мы предложили ему написать советский пароход. Художник с большой радостью согласился. Получив деньги за работу, он долго благодарил нас.

В Амстердаме нам не раз приходилось слышать о «помощи», оказываемой сердобольным «дядей Сэмом» Голландии. Результат этой «помощи» налицо. Раньше, когда мы приходили в Амстердам, видели кипучую деятельность голландских судостроительных компаний. Со стапелей верфей то и дело сходили новые корабли. Совершенно иная картина сейчас. На наш вопрос, почему многие верфи не работают, голландцы отвечали:

— Видите ли, раньше судостроительным фирмам Амстердама, Гаати, Роттердама и других портов было выгодно строить. Суда покупали многие государства. А теперь... Теперь мы, голландцы, получаем помощь по «плану Маршалла». Из Америки к нам поступают уже готовые корабли. Поэтому многие судостроительные верфи Голландии вынуждены закрываться, и не одни верфи...

— А как же рабочие?

— Рабочие получают расчет и ищут новой работы.

Я вспомнил случай с художником, и мне сразу стало ясно, куда ведет Голландию «план Маршалла».